

DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-153-158>
УДК 821.161.1.09"19/20"

Лученецкая-Бурдина Ирина Юрьевна

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Полтевская Ксения Евгеньевна

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

«ВИШНЕВЫЙ САД» А.П. ЧЕХОВА И «ИСКУПЛЕНИЕ» И.Н. ПОТАПЕНКО: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ И СЮЖЕТНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

Общепризнано, что драматургия А.П. Чехова оказала существенное влияние на театр XX в. Вместе с тем вопрос о роли писателя в творчестве драматургов рубежа XIX–XX вв. мало исследован в литературе. И.Н. Потапенко – один из самых популярных писателей 1890-х годов и друг А.П. Чехова. В статье проводится сравнительный анализ пьес А.П. Чехова «Вишневый сад» и И.Н. Потапенко «Искупление», в которых драматурги обращаются к одной теме – гибели старых дворянских усадеб. Рассмотрены такие элементы драматического метода писателей, как конфликт и сюжет. Проанализированы основные мотивы пьес. Установлено, что конфликт пьесы И.Н. Потапенко является психологическим, традиционным для классической драмы. В «Вишневом саду» конфликт между персонажами отсутствует, становится философским. Рассмотрена роль героев-двойников в обеих пьесах. Доказано, что пьесы объединяет мотив предчувствия беды, катастрофы, наличие внутреннего и внешнего сюжета. Обнаружено идейно-тематическое единство пьес, взаимосвязь некоторых мотивов, сюжетных и композиционных элементов. Показано, что в пьесе И.Н. Потапенко присутствуют элементы как классической, так и «новой драмы».

Ключевые слова: А.П. Чехов, И.Н. Потапенко, классическая драма, «новая драма», сюжет, конфликт, мотив, герой-двойник.

Информация об авторах: Лученецкая-Бурдина Ирина Юрьевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9308-7798>, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия.

E-mail: lucciano55@yandex.ru.

Полтевская Ксения Евгеньевна, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3361-7501>, магистрант Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия.

E-mail: poltevskaia@yandex.ru

Дата поступления статьи: 25.06.2020.

Для цитирования: Лученецкая-Бурдина И.Ю., Полтевская К.Е. «Вишневый сад» А.П. Чехова и «Искупление» И.Н. Потапенко: художественные взаимосвязи и сюжетные соответствия // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 3. С. 153-158. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-153-158>.

Irina Yu. Luchenetskaya-Burdina

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

Kseniya Ye. Poltevskaia

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

“THE CHERRY ORCHARD” BY ANTON CHEKHOV AND “THE ATONEMENT” BY IGNATY POTAPENKO: THE ARTISTIC INTERDEPENDENCE AND THE PLOT CORRESPONDENCE

It is generally recognized that the dramaturgy of Anton Chekhov had a significant impact on the theatre of the 20th century. At the same time, the question of the writer's role in the playwright's work of the turn of the 19th–20th centuries has been little studied in literature. Ignaty Potapenko is one of the most popular writers of the 1890s and a friend of Anton Chekhov. The article presents a comparative analysis of the plays – “The Cherry Orchard” by Anton Chekhov and “The Atonement” by Ignaty Potapenko – in which the same topic is revealed: the old nobiliary manors destruction. The plot and the conflict as the elements of writer's dramatic method are considered. The main motifs of the plays are analysed. It is noted that the conflict of Ignaty Potapenko's play is psychological and traditional for classical drama. There is no conflict between characters in “The Cherry Orchard”. The conflict is philosophical. The role of the double-characters in both plays is considered. It is proved that both plays are united by the motif of foreboding disaster, catastrophe. It is proved that both plays are united by the motif of disaster and catastrophe premonition, existence of the internal and external plot. The ideological and thematic unity of the plays, the interconnection of some motifs, plot and compositional elements were discovered. It is shown that in the play by Ignaty Potapenko there are elements of both classical drama and the “new drama”.

Keywords: Anton Chekhov, Ignaty Potapenko, classical drama, “new drama”, plot, conflict, motif, double-characters.

Information about the authors: Irina Yu. Luchenetskaya-Burdina, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9308-7798>, Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian literature, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia.

E-mail: lucciano55@yandex.ru

Kseniya Ye. Poltevskaia, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3361-7501>, postgraduate student, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia.

E-mail: poltevskaia@yandex.ru

Article received: June 25, 2020.

For citation: Luchenetskaya-Burdina I.Yu., Poltevskaia K.Ye. “The Cherry Orchard” by Anton Chekhov and “The Atonement” by Ignaty Potapenko: the artistic interdependence and the plot correspondence. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 3, pp. 153-158 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-153-158>.

Известный факт, что А.П. Чехов не выделял себя из писательской «артели восьмидесятников», требует анализа творчества каждого ее члена в сопоставлении с фигурой самого Чехова [Шелоник: 3]. И.Н. Потапенко, знаменитый в свое время беллетрист и драматург, не избежал судьбы многих собратьев Чехова по перу – его имя сейчас почти забыто. Однако ряд исследователей считают, что «в чеховской плеяде 80–90-х годов И.Н. Потапенко, безусловно, один из одареннейших мастеров, в чьем творчестве нашли подлинно художественное воплощение типы, настроения, идеи эпохи» [Букчин: 22].

«Вишневый сад» (1903) – последняя пьеса Чехова, которая была написана за год до его смерти. Потапенко пережил Чехова на четверть века, однако и он в 1903 году написал пьесу под названием «Искушение», которая впоследствии окажется его последней драматургической работой. Сопоставление данных произведений представляет безусловный интерес еще и потому, что оба драматурга обращаются к одной теме – гибели старых дворянских усадеб [Ревякин: 91].

В пьесе Потапенко «Искушение» показано экономическое оскудение и духовное вырождение в свое время знатного дворянского рода Сандаловых. Братья и сестры Сандаловы получили в наследство два имения, одно из которых будет продано на торгах за долги. Конфликт разворачивается вокруг второго, маленького имения, которое Сандаловы хотят заложить, поскольку нуждаются в деньгах, «чтоб удовлетворить жалкие ничтожные потребности легкой жизни» [Потапенко: 19]. Платон Платонович метко характеризует семью Сандаловых в целом: «Тот алкоголик, этот морфинист, тот графоман, другой символист... А женщины, женщины! Найдите мне хоть пару таких, у которых все нервы не были бы перепутаны, как телефонные проволоки после бури» [Потапенко: 15].

Проблема Сандаловых заключается в том, что одна из долей маленького имения принадлежит несовершеннолетнему сыну Юлии Платоновны и Виктора Александровича Сергею. Валежников является опекуном Сергея, хотя с Сандаловой они уже давно не живут вместе. Виктор Александрович пытается сохранить имение, поэтому отказывается дать согласие на передачу его в залог. Сандаловы угрозами и шантажом доводят Валежникова почти до безумия, в результате чего Виктор стреляет в свою бывшую жену из револьвера. «Я заболела при вас... – говорит Валежников, – Я теряю свою личность, самого себя... вы отравили мой мозг, я больше уже не разумное существо, отвечающее за каждый свой шаг... Пока вы существуете, я не могу вернуться к прежнему, я ничто. <...> Вы хотели моего безумия... Вот оно! (Стреляет)» [Потапенко: 37].

Конфликт пьесы Потапенко является психологическим и относится к традиционному типу

конфликта классической драмы, который возникает тогда, когда субъект, добиваясь определенной цели, противостоит в своем предприятии другому субъекту, сталкивается с каким-либо препятствием. Конфликт связан с героем и выражается в реальном столкновении действующих лиц.

В отличие от этого в «Вишневом саде» отсутствует внешнее противоборство героев, столкновение характеров. Есть мольбы о помощи с одной стороны: «Что же нам делать? Научите, что?» (Раневская) [Чехов: 521] и готовность помочь – с другой: «Я вас каждый день учу. Каждый день я говорю все одно и то же» (Лопухин) [Чехов: 521]. Кульминация внешнего сюжета совпадает с развязкой – это продажа имения с аукциона 22 августа. Вишневый сад продан, но в судьбах персонажей ничего не изменилось. Центр тяжести перенесен с самого события на его психологическую, душевную подготовку. Описанный способ построения сюжета противоречит классической драме. Важнейшее событие произошло вне сценического пространства, что недопустимо по канонам «дочеховской» драмы. Фактически сюжетные линии комедии завершаются на третьем акте, но пьеса продолжается.

В «Вишневом саде» не звучит ни единого выстрела, нет любовных драм или сюжетных обострений. Нет и конфликта между персонажами (в том числе и между Лопухиным и Раневской), все герои пытаются спасти вишневый сад, но в итоге «имение идет с молотка». Повседневное, внешне бесконфликтное течение жизни в «Вишневом саде» вырастает до философского конфликта пьесы – человек в потоке времени («время идет» [Чехов: 507]). Чехов рефлексировал о влиянии времени на человека и отношениях между смертными и этой неуловимой, беспощадной силой [Бурдина: 61].

Сюжет «Искушения» замкнут вокруг любовных связей главного героя, что также является классическим для «дочеховской» драмы. Законная жена Виктора Александровича Юлия ушла от него 15 лет назад и постоянно требует денег на свое содержание. Его сожительница Людмила Николаевна Репнина помогает Валежникову в издании юридического журнала и воспитывает их детей. Марьяна Сандалова безответно влюблена в Виктора еще со времен начала его отношений с ее сестрой Юлией. При этом следует отметить, что все основные сюжетные линии оказываются равны между собой, среди них нет главной. Следовательно, в пьесе Потапенко присутствует элемент децентрализации сюжетных линий – основного принципа сюжетостроения «новой драмы», выработанного Чеховым.

В отличие от пьесы Потапенко в последней пьесе Чехова отсутствует любовная интрига, есть только ее пародийные уподобления: Епиходов и Дуняша (пародия на неразделенную любовь), Яша и Дуняша (лакейская низость и пошлость); че-

рез них пародийно представлены Лопехин – Варя и Раневская – любовник в Париже.

В пьесе «Искушение» тоже есть безответная любовь и двойник-дублер – Павел Петрович Лемтюжин. Он пытается подражать Валежникову во всем: «Он просто старается быть твоей тенью» [Потапенко: 2]. Кроме того, он также влюблен в женщину из рода Сандаловых, как ранее сам профессор, но не в Юлию, а в Марьяну Сандалову, которая в свою очередь любит Виктора.

И у Чехова, и у Потапенко герои-двойники несут одну функцию. М.М. Бахтин в своей работе «Проблемы поэтики Достоевского» говорит о «развенчивающем двойнике», который возникает путем карнавального пародирования. «Развенчивающий двойник», по мнению Бахтина, принадлежит «миру наизнанку» и является частью «карнавализованной литературы» [Бахтин: 147]. Такие карнавальные пары чаще возникают в литературе эпох слома старых порядков, когда происходит духовный кризис. В таких парах двойников расположение смехового и серьезного не полярно, как у пар-антагонистов, а синкретично: каждый из членов пары одновременно и смешон, и серьезен, хотя герои все-таки разделяются по категориям «высокое – низкое».

Чехов лишает героев своей последней пьесы любви, подчеркивая их человеческую несостоятельность, неспособность на сильное чувство. Так, Раневская всякий раз любит недостойных мужчин. Муж «страшно пил» и «делал одни только долги» [Чехов: 522]. Полюбив другого, Любовь Андреевна оставляет своих детей на гувернанток и слуг, результатом чего становится гибель ее младшего сына Гриши. После трагедии Раневская бежит в Париж, где любовник три года болел и ее «измучил», а затем «обобрал», «бросил, сошелся с другой» [Чехов: 522]. Но героиня вновь делает тот же выбор: «Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу» [Чехов: 535]. Отношение Любви Андреевны к «этому дикому человеку» полностью рабское.

В пьесе «Искушение» звучит сходный мотив любви как мучения, бремени, рабства: «Разве любовь в том, чтоб схватить счастье и наслаждаться им? Уберечь человека от беды, вот в чем любовь. Снять с его шеи петлю, чтобы он мог свободно дышать воздухом, чего бы это ни стоило, чего бы ни стоило... Освободить его...» [Потапенко: 10]; «Это сделалось моим камнем» (Марьяна) [Потапенко: 31]. Любовь как «камень» или «петля» на шее – вот как трактуют это чувство драматурги. Этим в обе пьесы вводится мотив рока, судьбы, человеческой слабости.

В пьесе Потапенко противопоставляются два мироощущения, образа жизни – Сандаловых и Валежникова. Первые прожигают жизнь, потому что деньги «добывать не умеют» [Потапенко: 6], а Вик-

тор Александрович – юрист, профессор, деятельный человек нового времени.

Аналогично у Чехова показаны два мира, два антагонистичных типа мышления: мир уходящего дворянства в лице Раневской и Гаева и мир дельцов, таких как Лопехин.

В обеих пьесах дворяне прожигают жизнь, бессмысленно тратят деньги. Сандаловы, как указано выше, растратили наследство на кутежи и псевдоискусство. Раневская и Гаев в любой ситуации будут делать то же, что делали раньше: он – играть на бильярде, она – сорить деньгами («Вчера было много денег, а сегодня совсем мало <...> я трачу как-то бессмысленно» (Раневская) [Чехов: 520]. Фирс дает им емкую характеристику – «недотепы». Герои пьес даже читают одинаковые книги (например, «Историю цивилизации в Англии» Генри Томаса Бокля, властителя умов европейской интеллигенции конца XIX – начала XX вв.), в которых ничего не понимают: «Читал вот книгу и ничего не понял. Читал и заснул» (Лопехин) [Чехов: 501]; «Я развитой человек, читаю разные замечательные книги, но никак не могу понять... Вы читали Бокля?» (Епиходов) [Чехов: 519]; «Ну, а потом совместное самообразование, изучение Милля и Бокля, – прекрасные книги, в которых мы, однако, ничего не понимали...» (Валежников) [Потапенко: 3].

Особая природа чеховского конфликта изменяет строение сюжета его пьес. Исследователи указывают на наличие в них двух сюжетов – внутреннего и внешнего [Бурдина: 55]. При достаточной традиционности сюжета внешнего, ведущим является сюжет внутренний, названный В.И. Немировичем-Данченко «подводным течением».

Внутренний сюжет «Вишневого сада» связан с каждым персонажем и выходит на индивидуальный уровень. Чехов рефлексирует о взаимодействии человека и безжалостного движения времени [Бурдина: 58].

В своих письмах Станиславскому Чехов описывал Раневскую как женщину, у которой в настоящем ничего нет, все в прошлом. Молодость, семья, дети, балы – все это трагически закончилось несколько лет назад. Раневская и Гаев боятся жизни, а потому не борются за имение. Они – потерянное навсегда прошлое. Казалось бы, на смену им придут такие люди, как Лопехин. О многом говорит оценка Лопехина Петей: «Как-никак, все-таки я тебя люблю. У тебя тонкие, нежные пальцы, как у артиста, у тебя тонкая, нежная душа...» [Чехов: 544]. Трофимов – нищеанец, а, по Ницше, артист – тип человека будущего. Именно это «вечный студент» ценит в Лопехине [Комаров: 97–98]. Но Чехов показывает, что и «лопахины» вскоре уйдут с исторической сцены. Не смешно ли, что самым тонким в душевном отношении, самым чутким и одновременно деятельным оказался выходец из крепостных, который купил чужой сад не

столько ради наживы, сколько назло своим лирическим воспоминаниям и надеждам? [Злотникова: 56] Д.Л. Быков пишет, что впервые в русской литературе Чехов «хоронит» новый тип человека. Только что родился купец, представитель русского капитализма. Но Лопухину фактически осталось недолго, на нем лежит явственная печать обреченности. Он размахивает руками, самодоволен, строит планы, как он начнет торговать дачными участками, сколько выручит, – и мы понимаем, что у него ничего не получится, потому что не этим покупается в России бессмертие. Бессмертны в России не опытные, не прагматичные, беспомощные люди, романтики [Быков: 42]. Спасется Раневская, потому что она легкий, чистый человек, спасется и толстый, смешной и добрый помещик Симеонов-Пищик, потому что у него всегда найдется какая-нибудь белая глина, которую можно продать, а прагматик обречен.

Творчество Чехова безусловно оказывало влияние на его современников, которые использовали его драматические новации. Так, в пьесе Потапенко «Искушение» тоже появляется «внутренний сюжет», который вместе с тем носит характер личностный, а не наиндивидуальный. Толчок к его раскрытию дает название пьесы. «Внутренний сюжет» связан с Марьяной Сандаловой, ее поиском себя (училась на фельдшера, скульптора, бухгалтера), своего места и смысла жизни, ее желанием искупить вину за деяния всех членов своего рода.

Она сравнивает себя с человеком, который выпил яд и не находит себе места: «Я как-то шла по улице и вдруг вижу: бежит человек: с безумными глазами, с разорванным воротом, без шапки... Он неистово кричал и метался, к каждому простирал руки и не находил себе места <...> он нечаянно выпил яд и у него внутри палило огнем и никто не видел этого огня... Он искал облегчения» [Потапенко: 8], а также с птицами в клетках, которые стремились выбраться под дождь и ветер, где «страдают, но иначе они не могут» [Потапенко: 9]. «Разве вы не знаете, что Марьяна сделала это своей специальностью: страдать за всех Сандаловых» [Потапенко: 26], – говорит Платон Платонович. При этом сами Сандаловы ничего предосудительного в своем поведении не видят: «В моих глазах я не погрешим и этого с меня достаточно» [Потапенко: 5], – утверждает Ростислав.

Марьяна Платоновна страдает за грехи рода Сандаловых, пытается их исправить, искупить: постоянно дает деньги своим братьям и сестре, предлагает Валежникову 50 тысяч рублей, чтобы он откупился от Юлии Платоновны, и она дала ему официальный развод. «Мне кажется, – говорит Марьяна, – что я рождена для того, чтоб нести на своей совести ответственность за все зло, какое мои братья причиняют другим людям. Я гнусь, я изнываю под тяжестью искупления... Оно зовет

меня ежечасно и когда-нибудь призовет... И я всегда готовлюсь к чему-то страшному <...> Впереди мне видится что-то нечеловеческое и что я должна буду искупить своею жизнью» [Потапенко: 21].

С душевными терзаниями героини связаны два мотива. Первый – мотив сумасшествия: «Господи, если б тебе с нею и со всем этим сумасшедшим домом развязаться» (Ольга Аркадьевна) [Потапенко: 3]; «Каждый Сандалов имеет право на свой особый род безумия» (Платон) [Потапенко: 8]; «Они больные» (Марьяна) [Потапенко: 21]; «Поврежденным умом» (Платон) [Потапенко: 17]; «Они невменяемы» (Марьяна) [Потапенко: 18]; «Ну, это уж началась психопатия» (Юлия) [Потапенко: 30]; «Марьяна... Вы с ума сошли, вы и меня сводите с ума...» (Валежников) [Потапенко: 31]; «Эта Марьяна – прямо кандидатка в сумасшедший дом. Она на яву бредит. Вчера начала ему толковать про свои предчувствия... Про что-то кровавое, чуть что не убийство» (Ольга Аркадьевна) [Потапенко: 32]; «Если бы всех поврежденных сажали, куда следует, то пришлось бы половину поверхности земного шара застроить домами для умалишенных» (Платон) [Потапенко: 15]; «Вы точно отравили мой мозг... Или безумие заразительно?» (Валежников) [Потапенко: 34]; «Я тоже туда, в ассамблею психопатов» (Платон) [Потапенко: 13]; «Мы все такие: мы можем свести с ума, но сами спокойно живем на рубеже безумия» (Марьяна) [Потапенко: 34].

Этот мотив подчеркивается другими образами пьесы: чудовищ, зверей («Вы родились зверем – без души» (Валежников) [Потапенко: 37]; «...так и кажется, что сейчас из-под пола выползут разные гады и чудовища с огненными жалами...» (Платон) [Потапенко: 17]; «Какие-то длиннорукие и длинноногие чудовища с зелеными глазами...» (Платон) [Потапенко: 6]); сравнениями с собаками («Как взбешенные собаки, которым бросают мясо...» (Марьяна) [Потапенко: 20]; «Когда голодные псы начинают рычать, им следует бросить хоть кость... Иначе они кусаться будут» (Валежников) [Потапенко: 24]); «Человек шел своей дорогой к высокой цели. И вдруг на него напала стая собак... Они путаются под его ногами, взбираются ему на шею, впиваются в его тело, мешают ему двигаться и дышать... Это мы, мы, Сандаловы...» (Марьяна) [Потапенко: 34]), а также inferнальностью самой Марьяны «Ходит бледная, как смерть, а глаза горят, как угли» (Ольга) [Потапенко: 32]. Следует указать на то, что в мифологии собака – это хтоническое животное, как правило упоминаемое в связи с темой загробного мира. Сама фамилия Сандаловых, дым от благовоний в мастерской Ростислава, употребление им морфия подчеркивают мотивы дурмана, сумасшествия, помешательства.

Второй – мотив предчувствия катастрофы, несчастья, беды: «Мы приговорили к смерти всех

Сандаловых. И вдруг выстрел» (Платон) [Потапенко: 5]; «Когда к этому дому приближается кто-нибудь из нашей семьи, я содрогаюсь... Мне кажется, что вот-вот сейчас произойдет какая-то страшная катастрофа. Мы все – все Сандаловы – носим в себе какое-то проклятье!» (Марьяна) [Потапенко: 9]; «Будет очень худо... Произойдет страшное... Слышите? Знайте это... Произойдет страшное...» (Марьяна) [Потапенко: 30]; «Я чувствую, всем своим существом чувствую, что *над этим домом*, который вы так заботливо строили на свои трудовые деньги, *висит несчастье*... От этих стен *веет на меня разрушением, ужасом*...» (Марьяна) [Потапенко: 31].

Предчувствие катастрофы – лейтмотив и пьесы Чехова («Я все жду чего-то, как будто *над нами должен обрушиться дом*» [Чехов: 522], – говорит Раневская). Действующие лица беседуют, пьют кофе, играют в бильярд и устраивают балы, а в это время решаются их судьбы. Этот мотив подчеркивает «отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный» [Чехов: 526], который, по словам Фирса, впервые «прозвучал» перед «несчастьем», второй раз прозвучит перед появлением Прохожего, символизирующего образ людей, которые придут на смену и дворянам, и «лопахиным», и «трофимовым», разрушив все, что было создано до них. Не случайно Прохожий просит у Вари «копеек тридцать» («тридцать серебрянников» – сумма, которую получил Иуда за предательство Христа).

Таким образом, и Марьяна в пьесе Потапенко, и Раневская в пьесе Чехова являются своеобразным камертоном катастроф.

Финал обеих пьес – отражение состояния российской действительности рубежа веков, которая зависла в ожидании катастроф и перемен, когда прежнее существование невозможно.

В «Искушении» Потапенко показал деградацию и слабость дворянства через личную трагедию одной семьи: Юлия Платоновна застрелена Валежниковым, Марьяна берет вину за это преступление на себя.

Чехов в «Вишневом саде» идет гораздо глубже. Пустая сцена в финале напоминает поле после сражения. Но кто победил в нем? Лопухин? Да, он новый хозяин вишневого сада, но Чехов смеется над ним, не считая его достойным владельцем. Ермолай Алексеевич запирает дверь в имение и не способен понять, что вместе с домом получил и Фирса. На чьей же совести окажется смерть старика? Лопухин купил имение неожиданно для него самого. Им двигала какая-то страсть, жажда самоутвердиться, обойти «богача Дериганова» на торгах. Лопухин изо всех сил мечтал сблизиться с Раневской, но своим поступком разрушил прежние отношения. Подсознательно он понимает эфемерность победы: «О, скорее бы все это про-

шло, скорее бы изменилась наша нескладная, несчастливая жизнь» [Чехов: 500]. Ермолай Алексеевич один способен оценить, что такое вишневый сад (самые прекрасные слова о нем звучат именно из уст купца: «имение, прекрасней которого нет на свете» [Чехов: 562]), и он сам своими руками его губит. Добрые намерения по непонятным ни ему, ни окружающим причинам расходятся с реальностью.

В IV акте переплетаются мотивы жизни и смерти. «Здравствуй, новая жизнь», – кричат Аня и Петя. И в то же время жизнь обрывается: Фирс, сад, дом обречены. Меняется уклад жизни, и процесс этот закономерен, он не трагичен, а естествен [Королюкова: 83]. Создание вишневого сада – дело рук не одного поколения. Это «живое наследство» предков, переходящее от родителей к детям. «Распалась связь времен» – сад вырублен. В этой пьесе Чехов пишет о том, что в мире не остается прекрасных, прагматичных вещей. Идеи пользы, рационализма вытесняют прекрасную легкость. И сад оказывается обречен по причине того, что новое поколение смотрит на вещи с позиции выгоды, а не эстетики. В последней пьесе Чехова сплавился во едино символ жизни и Родины – вишневый сад: напоминание о времени, вечно звучащем над русскими просторами, сопровождающем бесчисленные приходы и уходы новых поколений.

Итак, обе рассмотренные пьесы об историческом сдвиге, переломе: жизнь будет продолжаться, но изменится в самой своей сути. Оба драматурга обрамляют уход дворянства с исторической сцены в цветы: у Чехова мы видим «вишню всю в цвету» [Чехов: 502] и «...изумительный сад. Белые массы цветов, голубое небо» [Чехов: 513]; у Потапенко – «яркое солнце, яблони цветут, воздух пропитан ароматом весны...» [Потапенко: 25]. Пьесы имеют ряд сходных мотивов (мотивы рока, надвигающейся катастрофы), сюжетных и композиционных переключек. При этом конфликт «Искушения» тяготеет к классической драме, в то время как парадигма конфликта Чехова кардинально от нее отличается. Что касается особенностей сюжетостроения пьес, Потапенко вводит в пьесу второй, параллельный внешнему сюжет – внутренний, который вместе с тем носит сугубо личный характер и не становится более важным, чем внешний, в отличие от последней пьесы Чехова.

Следует отметить, что имеются также переключки пьесы Потапенко с первой пьесой Чехова «Безотцовщина» (1877–1878): опора сюжета на одного героя (Платонова в «Безотцовщине» и Валежникова в «Искушении»), на которого замыкаются любовные линии сюжета, психологический тип конфликта, наличие мотива сумасшествия. Безусловно, на момент написания «Искушения» Потапенко не мог знать эту пьесу, поскольку она была обнаружена в 1920 г., а опубликована лишь в 1923 г.

Но это говорит о том, что Потапенко в последней пьесе приходит к тому, с чего Чехов начинал.

Список литературы

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 320 с.

Букчин С.В. Чеховская «артель» // Писатели чеховской поры: избр. произведения писателей 80–90-х гг.: в 2 т. М.: Худож. лит, 1982. Т. 1. 463 с.

Бурдина И.Ю. Чехов А.П. Вишневый сад. Анализ текста. Основное содержание. Сочинения. М.: Дрофа, 2000. 112 с.

Быков Д.Л. 100 лекций о русской литературе XX века. М.: Эксмо, 2019. 608 с.

Злотникова Т.С. Время «Ч». Культурный опыт А.П. Чехова. А.П. Чехов в культурном опыте 1987–2007 гг. М., Ярославль, 2007. 259 с.

Комаров С.А. «Вишневый сад» в аспекте неклассической поэтики // Уральский филологический вестник. 2017. № 4. С. 96–121.

Королькова Г.Л. Чеховская драматургическая система и драматургическое творчество Л.С. Петрушевской: дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2004. 221 с.

Потапенко И.Н. Искупление // Театр и искусство. СПб, 1903. 38 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003716005/ (дата обращения: 22.06.2020).

Ревякин А.И. «Вишневый сад» А.П. Чехова: пособие для учителей. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1960. 256 с.

Чехов А.П. Сочинения: в 4 т. М., 1984. Т. 4. 576 с.

Шелоник М.И. А.П. Чехов и И.Н. Потапенко: проблемы творческих взаимосвязей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 30 с.

References

Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Sov. Rossiia Publ., 1979, 320 p. (In Russ.)

Bukchin S.V. *Chekhovskaia «artel'»* [Chekhov's artel]. *Pisateli chekhovskoi pory: izbr. proizvedeniia pisatelei 80–90-kh gg.: v 2 t.* [Writers of the Chekhov

time: chosen works of writers of the 80–90s: in 2 vols.]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1982, vol. 1, 463 p. (In Russ.)

Burdina I.Iu. *Chekhov A.P. Vishnevyy sad. Analiz teksta. Osnovnoe sodержanie. Sochineniia* [Chekhov A.P. The Cherry Orchard. Text analysis. Main content. Compositions]. Moscow, Drofa Publ., 2000, 112 p. (In Russ.)

Bykov D.L. *100 lektzii o russkoi literature XX veka* [100 lectures on Russian literature of the twentieth century]. Moscow, Eksmo Publ., 2019, 608 p. (In Russ.)

Zlotnikova T.S. *Vremia «Ch». Kul'turnyi opyt A.P. Chekhova. A.P. Chekhov v kul'turnom opyte 1987–2007 gg.* [Time “Ch”. Cultural Experience A.P. Chekhov. A.P. Chekhov in the cultural experience of 1987–2007]. Moscow, Yaroslavl, 2007, 259 p. (In Russ.)

Komarov S.A. *Vishnevyy sad v aspekte neklassicheskoi poetiki* [The Cherry Orchard in the aspect of non-classical poetics]. *Ural'skii filologicheskii vestnik* [Ural Philological Bulletin], 2017, № 4, pp. 96–121. (In Russ.)

Korol'kova G.L. *Chekhovskaia dramaturgicheskaiia sistema i dramaturgicheskoe tvorchestvo L.S. Petrushevskoi* [Chekhov's dramatic system and dramatic work of L.S. Petrushevskaya]: dis. ... kand. filol. nauk. Cheboksary, 2004, 221 p. (In Russ.)

Potapenko I.N. *Iskuplenie* [The Atonement]. *Teatr i iskusstvo* [The theater and the art]. St. Petersburg, 1903, 38 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003716005/ (access date: 22.06.2020). (In Russ.)

Reviakin A.I. *“Vishnevyy sad” A.P. Chekhova: posobie dlia uchitelei* [“The Cherry Orchard” by A.P. Chekhov: a manual for teachers]. Moscow, Gos. uch.-ped. izd-vo Ministerstva prosveshcheniia RSFSR Publ., 1960, 256 p. (In Russ.)

Chekhov A.P. *Sochineniia: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Moscow, 1984, vol. 4, 576 p. (In Russ.)

Shelonik M.I. *A.P. Chekhov i I.N. Potapenko: problemy tvorcheskikh vzaimosvyezai* [A.P. Chekhov and I.N. Potapenko: problems of creative relationships]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 1990, 30 p. (In Russ.)